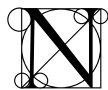

А · Р · Х · И · В · Ы
ДРЕЗДЕНА

Джим Батчер

«ИСТОРИЯ
ПРИЗРАКА»

АСТ
МОСКВА

УДК 821.134.2-312/4
ББК 84 (4Исп)-44
Б 28

Серия «Архивы Дрездена»

Jim Butcher
GHOST STORY

Перевод с английского *Н.К. Кудряшева*
Компьютерный дизайн *А.А. Кудрявцева*
студия «FOLD&SPINE»

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов
Donald Maass Literary Agency (США) и
Агентства Александра Корженевского (Россия)

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Батчер, Джим.

Б 28 История призрака : роман / Джим Батчер ; [пер. с англ.
Н. К. Кудряшева]. — Москва : АСТ, 2014. — 512 с.

ISBN 978-5-17-082125-9

Итак, он умер. Гарри Дрездена больше нет.

Вернее, его больше нет в мире людей — но в новой, призрачной послежизни так трудно разобраться! Прежде всего, пока он пребывал между жизнью и смертью, прошло несколько месяцев, и в Чикаго все переменялось: улицы заполнили банды некромантов, охотящихся за любым мало-мальски наделенным колдовскими способностями человеком. Друзья Дрездена вынуждены ежедневно давать отпор неизвестно откуда взявшимся агрессорам и пребывают в унынии. Гарри и рад бы помочь, но что он может — бесплотный дух, лишенный прежних способностей?

Однако Дрездену придется здорово поднапрячься, используя весь свой ум и смекалку, накопленные за годы жизни, — ведь если не поторопиться, призраку чародея грозит... окончательное и бесповоротное исчезновение!

УДК 821.134.2-312/4
ББК 84 (4Исп)-44

ISBN 978-5-17-082125-9

© Jim Butcher, 2011
© Перевод. Н.К. Кудряшев, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Жить тяжело.

Умирать легко.

Для сотворения жизни требуется просто уйма всего. Это должно происходить в месте, годном для проживания, а по масштабам Вселенной таких мест днем с огнем не найти. Для этого необходимо также в той или иной мере наличие родителей. Ну и с момента зачатия до родов тоже много всякого может произойти — не говоря уже о том, сколько сил и внимания требует уход за новым существом, пока оно не вырастет и не сделается самодостаточным.

Жизнь полна жестокости, насилия и боли, и к моменту, когда мы перестаем расти, мы уже знаем, что начали умирать. Год за годом мы только и можем, что беспомощно наблюдать, как стареет и дряхлеет наше тело, но как инстинкт самосохранения заставляет нас жить дальше — из чего следует, что жить нам приходится с жутким сознанием неотвратимости смерти. Сама по себе жизнь в таких условиях требует от нас огромных усилий, и она полна провалов и неожиданных затруднений.

Прекратить жизнь — по сравнению с этим — несложно. Я сказал бы даже, легко. Это можно сделать, приложив минимум усилий — достаточно одного-единственного микроба, острого угла, тяжелого предмета... или нескольких унций свинца.

Так трудно взрастить. Так легко уничтожить.

Можно подумать, из-за этого мы ценим жизнь больше.
Я умер в воде.

Я так и не узнал, истек ли я кровью от пулевого ранения или захлебнулся водой. Забавно: при жизни мы больше всего боимся смерти, так? Но стоит ей произойти, и подробности ее нам уже не важны. Да и сама смерть нас больше не пугает. Слышали, что рассказывают пережившие клиническую смерть? Ну, про туннель и свет в дальнем его конце? Так вот, был я там. Все так и есть.

Правда, я нигде не встречал, чтобы кто-то, спеша на этот самый свет, услышал оглушительный гудок тепловоза.

До меня смутно дошло, что я стою на чем-то вроде рельсов и шпал. Я понял это по их вибрации, усиливавшейся по мере приближения поезда. Она передавалась мне через подошвы башмаков — и сердце мое тоже забилося быстрее в такт этой вибрации.

Кстати, не я ли только что говорил, что смерть после смерти больше не страшна? Забудьте.

Все же я упрямо подбоченился и насупился, глядя на приближающийся свет. Очень уж у меня выдались утомительные сутки: я сражался с силами Зла, изничтожил под корень всю Красную Коллегию, спас собственную дочь, убил ее мать... ах да, еще меня самого застрелили насмерть. Ну, в общем, все в таком роде.

Мне полагалось бы покоиться с миром, или растворяться в божественном сиянии, или стоять в очереди на американские горки, а может, вариться в котле под громкую музыку с одним Барри Манилоу в плей-листе. Ведь именно так происходит, когда вы умираете, нет разве? Каждому воздается по заслугам. Вы получаете ответ на Главные Вопросы жизни.

— Но не попадаете под поезд, — угрюмо буркнул я, скрестив руки на груди, пошире расставив ноги и упрямо выставив вперед подбородок. Поезд тем временем с грохотом приближался.

— Что это с вами? — рявкнул мужской голос почти у меня над ухом. Чья-то сильная рука ухватила меня за правый локоть и рывком сдернула с рельсов. — Вы что, чертова поезда не видите?

Упомянутый поезд с ревом пронесся мимо — разъяренный зверь, рычащий в досаде на упущенную добычу. Поднятый им вихрь едва не затянул меня обратно на рельсы.

Прошла, казалось, вечность, пока последний вагон не скрылся в ночи. Я лежал ничком еще немного, задыхаясь, с отчаянно колотящимся сердцем. Только дождавшись, пока оно чуть-чуть не уймется, я приподнял голову и огляделся по сторонам.

Я валялся на чистой, хотя и потрескавшейся от времени бетонной платформе, под фонарем — таких станций в чикагских пригородах хоть отбавляй. Эта показалась мне знакомой, но точно вспомнить ее мне не удалось. Ни одной электрички на соседних путях. Ни вывесок с названием, ни расписаний. Просто платформа и пустое, чистое, лишенное каких-либо особых примет здание.

И пара лакированных штиблет.

Взгляд мой скользнул вверх по штанинам и запечатлел мужчину лет тридцати — тридцати пяти, смотревшего на меня сверху вниз. Сложением он напоминал хорошую наковальню; казалось, что если вы вдруг, сдавая машину задним ходом, ненароком на него наедете, ему не будет ничего, а вы помните крыло. Темные глаза светились живым умом, волосы уже начали редеть, и, хотя красавцем я бы его не назвал, лицо его было из тех, что помимо твоей воли вызывают доверие.

— Поезда с юга в последнее время что-то быстро ездить стали, — заметил он. — Я так решил, что вы, мистер, не особенно стремитесь попасть вот на этот.

Я продолжал всматриваться в стоявшего передо мной мужчину. Добавив мысленно лет двадцать возраста и фунтов сорок веса, я понял, что он мне знаком.

— К... — пробормотал я заикаясь. — К-к-к...

— Давайте попробуем вместе, — ухмыльнулся он. — Кармайкл.

— Но вы же... — не выдержал я. — Того... умерли.

Он фыркнул:

— Ну да, приятель. Зато теперь у нас будет настоящий, лицензированный детектив. Чародей в придачу. — Он с ухмылкой протянул мне руку. — И кто бы это говорил, а, Дрезден?

Я оглушенно поднял руку и позволил сержанту Рону Кармайклу, бывшему сотруднику отдела специальных расследований чикагской полиции, поднять меня на ноги. Он работал с Мёрфи. И он отдал жизнь, спасая ее от обезумевшего луп-гару... блин-тарарам, уже больше десятка лет прошло! Я сам видел, как он погиб.

Приняв более или менее вертикальное положение, я некоторое время смотрел на него, потрясенно качая головой. Ростом я был здорово повыше его.

— Вы... — пробормотал я. — Вы классно выглядите.

— Просто удивительно, что с тобой может сделать загробная жизнь. — Он театрально округлил глаза. — А ведь я как только не пытался похудеть! — Кармайкл покосился на часы. — Все это, конечно, очень занято, но нам пора двигаться.

— Э... — осторожно заметил я. — А куда именно двигаться?

Кармайкл поковырялся в зубах зубочисткой.

— В контору. Идем.

Следом за ним я прошел через станционное здание и вышел на улицу, где стоял старый золотистый «Мустанг». Он обошел машину и сел за руль. Было темно. Моросил дождь. Фонари горели, но место выглядело каким-то заброшенным — никого, кроме нас двоих. Я так и не мог определить, в каком районе Чикаго мы находимся, и это показалось мне чертовски странным: я неплохо знаю свой город. Секундую я медлил, оглядываясь в поисках хоть какого-нибудь знакомого ориентира.

Кармайкл перегнулся через сиденье и распахнул мне дверцу.

— Не ломайте голову, приятель. Здесь не только те дома, которые стоят, а и те, которые могли бы здесь стоять. Будете думать об этом слишком много — голова распухнет.

Я еще раз оглянулся, сел в «Мустанг» и захлопнул за собой дверцу. Кармайкл медленно вырулил на пустую улицу.

— Это не Чикаго, — сказал я.

— Гений, — ухмыльнулся он.

— Тогда... где мы?

— Между.

— Между чем? — не понял я.

— Между чем? — переспросил он. — Между кем. Между где. Между когда. Между тут.

Я нахмурился:

— Вы не упомянули «почему».

Он покачал головой и ухмыльнулся:

— Не, дружище. К «почему» мы здесь относимся с большим почтением. Мы, можно сказать, большие поклонники «почему».

Я нахмурился чуть сильнее. Потом тряхнул головой.

— Почему я здесь?

— Вы никогда не слышали о прологе, нет? — ответил Кармайкл вопросом на вопрос. — Хотите сразу перейти к основному действию?

— «Почему я здесь» — в смысле «а не там, где мне вроде бы положено находиться».

— Может, вы сейчас пребываете где-то при смерти, — предположил Кармайкл. — Может, вы тонете, и все это иллюзия, которую создает вам мозг, чтобы укрыть от вас суровую правду.

— Здесь? С вами? Я встречался со своим подсознанием — оно, конечно, безумно, но не настолько.

Кармайкл рассмеялся — громко, от души.

— Но такое здесь вполне могло бы происходить. Вот в этом и суть.

— Ничего не понимаю. Вообще ничего.

— И в этом тоже суть, — кивнул он.

Я испепелил его взглядом.

— Приятель, — сказал он, продолжая улыбаться. — Вам позволено увидеть ровно столько, сколько вы в состоянии переварить. Вот сейчас мы с вами в месте, которое сильно смахивает на Чикаго, едем под дождем в моем старом «Мустанге», потому что вот такие у вас ограничения. Все, что сложнее, предотвратило бы... — он помолчал, подбирая слова, — возможность вероятностей, а у нас здесь это нецелесообразно.

Я немного подумал.

— Вы употребили «предотвратило» и «нецелесообразно» в одном предложении.

— Я тут раздобыл календарь — типа «по слову в день», — сказал он. — Не поднимайте лишнего шума из-за пустяка.

— Да вы смеетесь, — буркнул я. — Поднимать шум для меня смысл жизни.

Кармайкл хмыкнул и сощурил глаза.

— Посмотрим, — сказал он. — Посмотрим.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кармайкл остановил «Мустанг» перед домом, напомнившим мне ранние серии «Сетей зла». Он припарковался у безлюдного тротуара, и мы направились к дверям.

— Так куда мы все-таки идем?

— Я же сказал. В контору.

Я нахмурился:

— А поконкретнее никак нельзя?

Он огляделся по сторонам.

— Не здесь. Мы на охраняемой территории. Здесь повсюду уши.

Я задержался на абсолютно пустом тротуаре и посмотрел сначала в одну сторону, потом в другую: ничего, кроме редких фонарей, дорожных знаков и окон, за которыми не виделось ни света, ни занавесок, — ни дать ни взять пустые глазницы трупа, даже еще менее выразительные.

— Угу, — заметил я. — Просто сплошная интрига.

Кармайкл тоже задержался в дверях и оглянулся через плечо. Пару секунд он молчал, потом заговорил тихим, лишенным выражения голосом:

— Здесь водятся Существа, Дрезден. И некоторые из них хуже, чем смерть. Так что лучше бы вам войти.

Я закатил глаза. Но...

Что-то в окружающей меня пустоте вдруг начало изрядно действовать мне на нервы.

Я сунул руки в карманы и попытался совладать с ощущением некоторой пустоты внутри. Результат оказался немного смазан ярко выраженным желанием отгородиться от этой пустоты надежной каменной стеной. Кармайкл отворил дверь ключом и пропустил меня внутрь первым. Прежде чем снова запереть дверь, он еще раз внимательно оглядел пустую улицу.

Кармайкл кивнул охраннику, явно отставному полицейскому в форме частного предприятия. Тот стоял у дверей лифта в позе «вольно», заложив руки за спину, но абсолютно неподвижно. Мундир у охранника был просто идеален. Идеально чист, с идеально отутюженными стрелками, и перчатки безукоризненно чистые белые. Из лакированной черной кобуры на поясе торчала хромированная, с гравировкой рукоятка револьвера. Ну и черты лица тоже соответствовали одежде: правильные, резкие, строгие.

Я задержался, нахмурился и включил Зрение.

Профессиональные чародеи вроде меня имеют в распоряжении самые разные невероятные штуковины. И одна из самых невероятных — это Зрение. То, что в разные эпохи, в разных культурах называли внутренним зрением, третьим глазом, дьявольским оком и еще много как. Оно позволяет чародею видеть истинную природу окружающих его вещей, а также невидимый мир энергий. Это опасная штука. Стоит вам увидеть что-то с помощью Зрения, и оно останется с вами навсегда, не стираясь из памяти и не тускнея со временем. Одного взгляда на что-нибудь не то достаточно, чтобы распрощаться со здравым рассудком.

Но от всей этой сцены слишком уж отдавало фильмами Рода Стерлинга. Мне просто необходимо было найти хоть что-нибудь, что я мог бы идентифицировать, что-то такое, чем бы меня не кормил с ложечки некто, похожий на помолодевшего, постройневшего Кармайкла. Вот я и решил попытаться идентифицировать единственный объект, который мог бы рассказать мне что-то о тех, кто меня окружает, — источник энергии.

И я сосредоточил внимание на пистолете охранника.

Мгновение ничего не происходило. Потом серебро и чернение блестящего оружия изменились, начали менять форму. Кобура удлинилась на глазах, опустившись охраннику ниже колена, — ну и сам револьвер тоже изменился: рукоять распрямилась и превратилась в эфес короткого меча. От него исходило сияние — нет, не отраженный свет, а собственное свечение клинка.

Взгляд голубых глаз охранника мгновенно скользнул ко мне. Он предупреждающе поднял руку.

— Не надо, — мягко произнес он.

И внезапно, словно передо мной захлопнули невидимую дверь, мой Взгляд выключился, и оружие снова превратилось в пистолет.

Охранник приветливо кивнул:

— Прошу прощения за резкость. Вы могли пострадать.

Я присмотрелся к нему. На бейджике виделось имя: «АМИТИИЛ».

— Э... Ну да, конечно, — тихо произнес я, демонстрируя ему пустые руки. — Никаких проблем, приятель. Нет, правда.

Кармайкл почтительно кивнул охраннику и ткнул пальцем в кнопку вызова лифта. Дверь раздвинулась сразу же.

— Идемте, мистер. Время — деньги.

Охранник Амителил, похоже, нашел эти слова забавными. Он улыбнулся и коснулся козырька фуражки двумя пальцами, салютуя Кармайклу. А потом снова застыл, невозмутимо глядя в ту пустоту, что действовала мне на нервы.

Двери лифта закрылись, и кабина, дернувшись, начала движение.

— Ну, — сказал я, — теперь, когда между нами и тем, насчет чего вы беспокоитесь, стоит как минимум один ангел-хранитель, вы можете мне сказать, куда мы направляемся?

К уголкам глаз Кармайкла сбежались морщинки.

— Я и так уже перерабатываю в качестве экскурсовода, Дрезден. Вам нужно поговорить с капитаном.

Кармайкл провел меня через помещение, уставленное офисными столами без перегородок. Все это напоминало отдел специальных расследований в чикагском управлении. За столами сидело некоторое количество мужчин и женщин — они работали с бумагами, перебирали папки, разговаривали по телефону... ни дать ни взять — копы за повседневной работой. Все до единого производили впечатление ровесников Кармайкла, то есть пребывали в том возрасте, когда энергия молодости и жизненный опыт достигают некоторого подобия баланса. Я никого из них не знал, но Кармайкл кивал некоторым в знак приветствия и соответственно получал ответные кивки. Он проследовал

через весь зал к двери в единственный отдельный кабинет и постучал.

— Войдите, — послышался изнутри негромкий баритон.

Кармайкл распахнул дверь и пропустил меня в кабинет, маленький, но обжитой. Здесь стояли старые шкафы для документов, старый деревянный стол, несколько старых деревянных стульев. На столе — коробка для входящих документов, коробка для исходящих документов, игла для нанизывания бумаг и телефон с дисковым набором. Компьютера не было. Вместо него на боковом столике виднелась старая электрическая пишущая машинка.

Мужчина, сидевший за столом, тоже производил впечатление Кармайклова ровесника, а еще смахивал на профессионального боксера. Кожу вокруг глаз тут и там стягивали шрамы, а нос, похоже, не раз был сломан. Пиджак он снял и повесил на спинку стула, так что бицепсы, едва не рвавшие на нем белую рубашку, не скрывало ничто. Тем более рукава он закатал выше локтя — и руки его в обхвате ненамного уступали деревянному телеграфному столбу, а крепостью, пожалуй, так и вообще не уступали. Образ дополняли светлая шевелюра, голубые глаза и челюсть, при виде которой в голове сразу возникали ассоциации с бульдогом. Мужчина тоже показался мне смутно знакомым.

— Джек, — обратился к нему Кармайкл. — Это Дрезден.

Джек, не вставая, окинул меня взглядом с головы до пят и не произнес ни слова.

— Он всегда такой до первой чашки кофе, — объяснил мне Кармайкл. — Не принимайте это на свой счет.

— О! Кофе! — нарушил я воцарившуюся за этими словами тишину. — Неплохая мысль.

Пару секунд Джек внимательно на меня смотрел.

— Дрезден, — произнес он эдаким медовым голосом. — Дрезден, вы голодны?

— Нет.

— А пить хочется?

Я немного подумал.

— Нет.

— Это потому, что вы умерли, — сообщил Джек, и по лицу его скользнула улыбка — короткая и не сказал бы, что

ободряющая. — Вам больше не нужно пить. Вам больше не нужно есть. Кофе не будет.

Я вопросительно покосился на Кармайкла.

— Я остаюсь при своем мнении. — Кармайкл посмотрел на Джека и ткнул пальцем в сторону двери: — Мне нужно вернуться к делу с ракшасом.

— Иди, — произнес Джек.

Кармайкл хлопнул меня по руке.

— Удачи, парень, — сказал он, — развлекайся! — И вышел уверенным шагом делового человека, оставив меня наедине с Джеком.

В воздухе повисло неуверенное молчание.

— Это не совсем то, чего я ожидал от загробной жизни, — заявил я.

— Потому, что это не она, — ответил Джек.

Я нахмурился:

— Вы же сказали, я умер. Значит, это загробная жизнь.

— Вы умерли, — подтвердил Джек. — Но это — Между

Тут.

Я нахмурился еще сильнее:

— Что-то типа чистилища?

Джек пожал плечами:

— Если вам так привычнее, можете называть и так. Но вы здесь не потому, что вам нужно очиститься или чего такого. Вы здесь потому, что ваша смерть выбивается из общего ряда.

— Меня застрелили. Или утопили. Не самый редкий случай.

Джек поднял ручищу и помахал ею в воздухе.

— Речь не о физической стороне. О духовной.

— Духовной? — переспросил я, нахмурившись.

— Ваши оппоненты, — пояснил Джек. — Вы погибли, потому что они смошенничали.

— Пойдите. Какие оппоненты?

— Ангел, стоящий на часах у лифта, мог бы послужить тем, что мы, копы, называем наводкой. Или вам портреты предъявить?

— Э... Черт, вы имеете в виду... Типа настоящих Падших ангелов?

— Не совсем. Но если вам так привычнее считать, сойдет. Вроде этого. А вот что существенно и что вам стоит знать — так это что они плохие парни.

— То есть, — пробормотал я, — все из-за того, что они нарушили какие-то вселенские законы?

— Вы стояли у них на пути. Они хотели, чтобы вы исчезли. Для того чтобы это случилось, они нарушили законы. И в результате вы стали уже моей проблемой.

Я смерил его хмурым взглядом, потом посмотрел на себя. Как выяснилось, на мне были джинсы, черная футболка без рисунка и мой черный кожаный плащ — который, будучи изорванным в клам, погрузился в воды озера за час или два до того, как меня застрелили. В смысле плащ безвозвратно погиб.

И тем не менее он красовался на мне, целый и невредимый. Как новенький.

Вот это почему-то хлопнуло меня по мозгам сильнее, чем все остальное вместе взятое.

Я умер.

Я умер!

Чикаго, Белый Совет, мои враги, мои друзья, моя дочь... Все это исчезло. Безвозвратно. И я не имел ни малейшего представления о том, что будет со мной дальше. Комната пошла кругом. Ноги разом сделались ватными. Я плюхнулся на стул лицом к Джеку.

Все это время я ощущал на себе его взгляд.

— Сынок, — произнес он, помолчав немного. — Мы все через это проходим. Знаю, оно нелегко, но тебе придется взять себя в руки, иначе я ничем не сумею тебе помочь.

Я зажмурился, сделал несколько глубоких вдохов-выдохов и в первый раз обратил внимание на то, как замечательно я себя чувствую в физическом плане. Такого со мной не бывало с самого детства, когда энергия переполняла меня с головой и я испытывал острую необходимость тратить ее направо и налево — желательно на что-нибудь приятное. Руки-ноги словно стали сильнее, быстрее, легче.

Я покосился на левую руку и увидел, что от шрамов, полученных в результате жуткого ожога, не осталось и следа. Я сделался цел и невредим, словно со мной никогда и ничего не случилось.